

— Чу Цзы?! Ты жива?

Даже закалённый в битвах Ночной Демон Шао Цзюсяо был поражён до глубины души. Если перед ними стояла Бессмертная дева Светлой Луны Чу Цзы, то кого же они только что видели в гробу, в главном зале Саньфэньу?

В этот миг Фэй Цзинь тихонько потянул Шао Цзюсяо за край одежды и покачал головой:

— Она — не воительница Чу.

В отличие от Шао Цзюсяо, он не мог разглядеть лицо незнакомки, перед ним был лишь размытый контур. Однако его слух был на редкость острым, и он слышал всё очень ясно. Когда эта дева выходила из-за ширмы, ее неуверенные шаги выдавали, что она далеко не так устойчива, как Чу Цзы. Походка была шаткой, расхлябанной — так ходит либо новоиспеченный ученик, либо тот, чье мастерство ничего не стоит.

Дева при этих словах с удивлением зыркнула на Фэй Цзиня и вдруг негромко рассмеялась:

— А у молодого воина Фэй на редкость зоркий глаз.

Стоило ей открыть рот, как и Шао Цзюсяо понял: перед ними и впрямь была не Бессмертная дева Светлой Луны. Просто кто-то приложил много усилий, чтобы с помощью румян и белил принять облик Чу Цзы.

Искусство макияжа, которым владеют обитательницы девичьих покоев, воистину творит чудеса. В ночной глуши, когда они пробрались в Дворик Хуанциюань, у них с собой была лишь одна-единственная свеча, к тому же дева явилась внезапно — вот и обвела вокруг пальца даже Шао Цзюсяо, который за свою жизнь перевидал девиц без счета.

Впрочем, ее слова о «зорком глазе» Фэй Цзиня были глубочайшим заблуждением.

Само собой, Шао Цзюсяо и не подумал рассеивать это заблуждение — не ему же одному оставаться в дураках.

— Кто вы такая и зачем явились в подобное место посреди ночи? — Шао Цзюсяо решил взять инициативу в свои руки и положил ладонь на рукоять драгоценного меча у пояса, приняв на редкость праведный и грозный вид.

Дева, однако, на этот фокус не купилась. Прикрыв лицо рукавом, она протяжно пропела:

— В таком случае, отчего господин Шао и молодой воин Фэй в столь позднее время роются в сундуках в покоях моей старшей сестры? Если я закричу, вам двоим не так легко будет отсюда

уйти.

Старшая сестра? Выходит, она тоже ученица ордена Саньфэнью.

Постойте-ка... Из ордена Саньфэнью, девица, искусна в наведении красоты, да еще и глубокой ночью раскрасила себя под Чу Цзы и бродит по ее комнате... Шао Цзюсяо выпалил:

— Так это ты накарсила Чу Цзы?

Лицо девы слегка переменялось:

— Вы заметили? Что и говорить, не зря вас зовут распутным и влюбчивым Ночным Демоном — даже усопшим прохода не даете. Предупреждаю тебя, если ты посмеешь хоть в малейшей степени посягнуть на мою старшую сестру, я сделаю так, что ты в этой жизни больше не будешь мужчиной!

Эти последние слова еще долго отдавались эхом в ушах Шао Цзюсяо. Хотя его и прежде частенько пугали подобным образом, но то были сплошь мужчины — прелестные девы обычно не выказывали к нему столь дикого свирепства. А потому он почувствовал себя немного неловко.

С тех пор как он прибыл в Саньфэнью, его лицо, слывшее первым по красоте во всем боевом мире, будто бы разом утратило всю свою силу.

Да и вообще, эта девица случаем ничего не перепутала? Он ведь отнюдь не питал плотского интереса к покойникам, честное слово!

Фэй Цзинь же, видя, как Шао Цзюсяо в расстройстве прижал ладонь ко лбу, поспешил заботливо осведомиться:

— А что значит «не будешь мужчиной»? Это какое-то на редкость могучее боевое искусство? — Должно быть, и впрямь нечто невероятное, раз Сяо Хун так перепугался.

Неужели тайное мастерство? Фэй Цзинь резко повернулся к деве:

— Воительница, а можно мне испробовать на себе твое мастерство «не-мужчины»? — Пусть эта воительница с виду и казалась слабой в боевых искусствах, но вдруг это тайное искусство позволяет скрывать истинную мощь?

Иначе с чего бы его величать великим мастерством.

Если он одолеет столь грозную технику, его собственное искусство меча наверняка поднимется на новую ступень!

В ответ слышалось лишь сбивчивое дыхание. Дева с великим недоумением переспросила:

— Ты... и впрямь больше не хочешь быть мужчиной? — Кто бы мог подумать, что этот с виду столь суровый и грозный молодой воин таит в душе столь сокровенное, невыразимое желание. От этой мысли дева даже сделалось как-то радостно на душе.

А радостно оттого, что у нее самой тоже имелась тайна — тайна, идущая наперекор всем устоям.

Видя, что дело принимает совсем уж скверный оборот, Шао Цзюсяо поспешил унять Фэй Цзиня, чтобы тот ненароком не навлек непоправимую беду:

— Кхе-кхе... Об этом мы поговорим как-нибудь позже. Сяо Фэй, пока помолчи. Госпожа, мы вовсе не помышляли осквернить Бессмертную деву Светлой Луны. Мы лишь хотим отыскать ее убийцу, а румяна и белила заметили случайно.

При слове «убийца» лицо девушки исказилось от такой дикой злобы, что издалека она действительно напоминала Чу Цзы, восставшую из могилы. Окажись тут кто из посторонних, точно лишился бы рассудка от страха.

— Вы и впрямь можете разузнать, кто убил старшую сестру?

— Мы приложим все силы.

Она вдруг резко развернулась и с силой толкнула ширму из зелёного шёлка, явив взору двух мужчин, распростертых на полу:

— Я оттого сегодня и караулила здесь, что ждала вас. — Очевидно, эти двое и были теми самыми стражниками, которые должны были охранять Дворик Хуанциюань, да только дева успела напасть на них исподтишка и оттащить сюда.

Каково бы ни было ее боевое мастерство, силой обделена она не была — умудрилась перетащить два тела, не оставив даже следов волочения.

— Раз вы пришли, я верю, что вы и впрямь хотите докопаться до правды, — дева слегка склонила голову, слегка сдвинула брови, и лицо ее омрачилось глубокой печалью. — Звать меня Юнь Цинцин, я ученица ордена Саньфэнь, ранга «одного цветка».

Это означало, что перед ними — та самая знаменитая на всю округу младшая сестрица.

Впрочем, звание «младшей сестрицы» вовсе не указывало на ее возраст — ведь той же Чу Цзы исполнилось всего шестнадцать, а каждый величал ее старшей сестрой. Младшая сестрица — то был лишь знак, что боевое искусство девы и впрямь никуда не годилось.

Когда Юнь Цинцин только переступила порог Саньфэньу, ей исполнилось всего пять лет. В то время Чу Жун лишь носила дитя под сердцем, Чу Цзы еще и на свете не было, а сама Юнь Цинцин числилась простой служанкой-чернорабочей, чьего мастерства не хватало даже на звание внутренней ученицы. Все ее ремесло сводилось к тому, чтобы поливать цветник в Дворике Хуанциюань.

Пятилетнее дитя, да кувшин и то был больше нее самой. Днями напролет она, покачиваясь, таскала этот кувшин для полива, бережно орошая молодые побеги. Обиды она не держала: есть работа — будут и медяки, а значит, с голоду не помрешь.

Но стоило Чу Цзы явиться на свет, как всех слуг из Дворика Хуанциюань выставили вон.

Родители этой госпожи, баловня судьбы, отдали ей во владение целый двор, чтобы она днями и ночами упорно оттачивала боевое мастерство. Чужим людям ходу туда не было, и играть с ней тоже никому не позволялось.

Юнь Цинцин прогнали из Дворика Хуанциюань. Столь легкая работа, как полив цветов, более не могла достаться сироте без роду и племени. К тому же природа обделила ее талантом, в боевых искусствах она не продвинулась ни на шаг, а потому несколько лет ей пришлось изрядно бедствовать.

Так продолжалось до тех пор, пока в один прекрасный день, когда она тайком заглядывала в ворота сада на поникшие бутоны, ее не заметила Чу Цзы, которой тогда исполнилось шесть лет. Малышка с великой радостью звонко поманила ее ручкой:

— Ой, тебе тоже нравятся цветы? Тогда помоги мне полить их, ладно?

Чу Цзы обожала цветы, вот только времени возиться с клумбами у нее совсем не оставалось. А потому, по ее настоянию, Юнь Цинцин вновь стала маленькой садовницей Дворика Хуанциюань.

Разумеется, супруги Чу по-прежнему строго-настрого запрещали Юнь Цинцин ступать в иные покои подворья, равно как и болтать да играть с Чу Цзы. Но дева все равно радовалась, что вновь может жить в тепле и сытости, да к тому же краем глаза наблюдать, как усердно Чу Цзы упражняется с мечом.

— Старшая сестра и впрямь была на редкость прилежной, да и талантом небеса не обделили, а уж красотой и подавно. Очень скоро она выбилась в первые ряды среди молодого поколения ордена и собственной силой заслужила звание ученицы «семи цветов». После и прозвище Бессмертной девы Светлой Луны разлетелось по поднебесной. Я же... сколько бы ни изнуряла

себя тренировками, в моих приемах оставалась лишь форма без капли истинного духа. Лишь с годами, из жалости, глава ордена пожаловала мне звание ученицы «одного цветка».

Должно быть, то была чистой воды милость из сострадания.

Звание «младшей сестрицы» в иных орденах, быть может, и означало, что дева окружена любовью и заботой, но в Саньфэнью оно служило лишь поводом для насмешек. Сменилось без счета учеников, которые пришли много позже нее, но успели нацепить на себя и три, и четыре, и пять цветов, тогда как она навечно осталась младшей сестрицей.

Шао Цзюсяо взгляделся в лицо Юнь Цинцин:

— Ты завидовала ей? — спросил он, разумеется, имея в виду Чу Цзы.

Юнь Цинцин, однако, опустила ресницы:

— Как это возможно? Не будь старшей сестры, меня, и во внутренние ученики бы не взяли. — Каким бы позорным ни было звание «младшей сестрицы», оно все одно лучше участи простой служанки. По крайней мере, выходя за ворота, можно было гордо выпрямить спину, назвать свое имя и услышать в ответ уважительное «воительница».

— Значит, она тебе нравилась? — Фэй Цзинь до сих пор еще размышлял о тайном искусстве «не-мужчины», отчего у него аж руки чесались, но, заслушавшись рассказом, все же отвлекся и с любопытством переспросил.

Спросил он от чистого сердца, однако Юнь Цинцин отчего-то страшно смутилась, принялась пятиться и замахала руками:

— Что... что за глупости вы говорите! Мы со старшей сестрой обе девы, у нас... у нас была сестринская привязанность!

Молодой воин Фэй совсем сбился с толку, точно монах, что при всём росте не может дотянуться до собственной макушки:

— Ну да, разве сестры не могут любить друг друга? — Он вот тоже наставника своего очень даже любил, с чего бы тут руками махать?

— Довольно, — лицо Юнь Цинцин потемнело, и она поспешила сменить тему: — Я оттого караулила вас этой ночью, чтобы узнать, действительно ли вы хотите разгадать тайну гибели старшей сестры. Силы у меня мало, и в боевых искусствах я плоха, зато могу поведать кое-какие дела, о которых мне известно.

Пусть место ее в ордене и было ничтожным, зато жила она в стенах Саньфэньу куда дольше большинства тех, кого Шао Цзюся со спутником успели повидать. Она безмолвно взидала на приходящих и уходящих, и в её сердце хранилось много тайн.

Тайнам этим следовало бы сгнить вместе с ней. Но раз Чу Цзы мертва, Юнь Цинцин готова была пойти на все, лишь бы выведать имя убийцы.

— Известно ли вам, отчего родная сестра главы, Чу Вань, вместе со своей дочерью Чу И проживают здесь, в Саньфэньу? — Как и Чу Жун, скрепившая узы брака с Ван Чаоши, Чу Вань, само собой, тоже побывала замужем, отчего и родила Чу И.

И поскольку Чу Вань не унаследовала место главы, ей, по обычаю, следовало бы остаться в доме супруга. Но то, что они с Чу И безвыездно жили в Саньфэньу, брало корни из-за давней и скрытой от чужих глаз истории.

В то время Чу Жун только заняла место главы, а их с Чу Вань матушка, прежняя глава Саньфэньу, была еще жива.

Что до боевого искусства, умений да хватки, Чу Вань во всем сильно уступала Чу Жун, отчего место главы досталось последней без особого труда. Вот только стоило Чу Жун сесть на главенствующий стул, как стряслась одна неприятность. Каждому известно, что искусство «Цветочных кулаков и вышитых ног» обретает наивысшую мощь лишь в женских руках, а потому в роду Чу издавна заправляли девы.

Однако Чу Жун и Ван Чаоши прожили в браке пять лет, а детским плачем в их покоях и не пахло.

И надо же было такому случиться, что как раз в те поры Чу Вань родила на свет дочь, которую нарекли Чу И.

Чу Вань повадилась то и дело возвращаться в родное гнездо, на словах — чтобы дать матушке повидаться с внучкой, но всем было ясно, на что она рассчитывает. И Чу Жун ничего не могла с этим поделать.

Зачать ребёнка — не то, что можно просто взять и сделать по своему желанию. Это не боевое искусство: если судьбой не суждено иметь детей, то сколько ни старайся — всё без толку.

Миновало целых десять лет с тех пор, как они с Ван Чаоши скрепили узы брака, дочка ее младшей сестры уже успела вымахать лет до пяти-шести, а утроба Чу Жун по-прежнему оставалась пуста. И в эту самую пору старая госпожа Чу, взяв власть в свои руки, велела вернуть Чу Вань с Чу И в Саньфэньу.

Чу Вань днями напролет с гордым да довольным видом водила Чу И у нее перед носом, отчего

между супругами Чу Жун и Ван Чаоши тоже начали набегать черные тучи.

Ван Чаоши смотрел на нее не лучшим образом, да и она не находила Ван Чаоши приятным. Даже та прекрасная внешность, которой она прежде пленилась, теперь казалась тошной.

В нынешней Поднебесной, если у супругов после свадьбы не слышно детского плача, все норовят свалить вину на жену. Но в роду Чу, где женщины издавна держали всю власть в своих руках, Ван Чаоши не смел сказать это прямо.

Он-то помалкивал, да только сама Чу Жун понимала, что муженек ее... никуда не годен.

Фэй Цзинь не понял, что означают слова «никуда не годен», но Шао Цзюсяо резко изменился в лице. По тому, как развивались события, Юнь Цинцин явно намекала на что-то скандальное и позорное:

— Неужели Бессмертная дева Светлой Луны рождена вовсе не...

Заметив его лицо, Юнь Цинцин догадалась, что тот подумал совсем не то, и поспешила опровергнуть:

— Вовсе нет, господин, вы не о том подумали. Старшая сестра действительно рождена лично главой.

Надо же случиться такому совпадению: как раз в то время, когда старая госпожа Чу подумывала объявить Чу И преемницей на место главы, Чу Жун, чье чрево пустовало десять лет, вдруг понесла.

— Поговаривали, в первый день глава ордена и не заметила: все так же оттачивала боевое мастерство, обучала учеников и правила делами ордена. Зато ночью на нее навалилась сильная усталость, и привиделся ей чудной сон, будто ясный месяц упал к ней на грудь. А наутро лекарь и впрямь нащупал живой пульс.

— Дитя это явилось как нельзя кстати. Не только былые обиды между Чу Жун и Ван Чаоши разом испарились, но и старая госпожа Чу до того возрадовалась, что более и словом не обмолвилась о том, чтобы посадить внучку на главенствующий стул. На душе у главы прояснилось, и весь орден Саньфэньу окутало великое веселье. Пожалуй, единственными, кому этот праздник пришелся не по нраву, были Чу Вань и Чу И.

— В те времена, когда глава носила дитя, мне довелось как-то выбраться за ворота ради закупок. И надо же — заметила я, как Чу Вань тайком сует медяки лекарю, что варил для главы снадобья, чтобы дитя укрепить. Стоят вдвоем, шушукуются о чем-то... Должно быть, она спала и видела, чтобы дитя это и на свет не явилось, чтобы после возвести на престол собственную дочь. Совсем ум за разум зашел от таких надежд!

Надо полагать, пока Чу Жун вынашивала плод, ее младшая сестрица не единожды прикладывала к делу свои грязные руки. Да только Чу Жун и в боевом искусстве, и в хитрости изрядно превосходила ее, к тому же дитя это было вымолено долгими годами — с какой стати ей было позволить сестре сжить его со свету?

Вплоть до самого рождения Чу Цзы никто в ордене и не слышал, чтобы у главы возникли хоть какие-то осложнения с беременностью.

Конечно, Чу Вань с Чу И не раз и не два втихомолку проклинали Чу Жун, моля богов, чтобы та разродилась мальчиком, но и тут небо не вняло их надеждам.

Но сильнее всего эту парочку ошеломило иное: узнав, что Чу Жун родила девочку, старая госпожа Чу от великой радости настолько потеряла ясность рассудка, что успела лишь взглянуть на младенца, как слегла в постель и больше не поднялась.

В молодые годы старая госпожа слыла грозным мастером, исходившим всю Поднебесную вдоль и поперёк, вершила расправу над врагами и немало потрудились в битвах против тёмных сил — само собой, к старости всё тело её было изранено.

И теперь, стоило ей слечь, бывшие хвори принялись терзать ее с новой силой; днями напролет она пребывала в беспамятстве и делами править не могла.

Чу Вань с дочерью лишь благодаря заступничеству старой госпожи и могли творить в Саньфэньу все, что угодно. Теперь же, когда старуха потеряла рассудок, а Чу Жун родила наследницу, их положение стало незавидным. Благо Чу Вань хоть талантом бог обидел, зато мелкой хитрости ей было не занимать: она вмиг приставила себя и дочь неотлучно дежурить у постели болящей.

Она ведь знала, что Чу Жун то на ложе после родов томится, то делами ордена по горло занята, так что при всей дочерней почтительности не сможет безвылазно сидеть у постели матери.

А вот сама Чу Вань могла не раздеваться ночами и лично пробовать каждую ложку похлёбки.

И верно — устроив такое притворство, она добилась своего: даже когда Чу Жун оправилась после родов, выставять сестру вон не стала.

К тому же Чу Вань точно знала правду: «Будь бесстыдным — и не сыщется тебе равных под небом». Улучив момент, когда никого рядом не было, она упала к ногам старшей сестры, горько плакала и клялась, что прежде на неё что-то нашло, а теперь разум к ней вернулся, и она никогда не станет зариться на место главы, а, напротив, приложит все силы, чтобы помогать сестре по хозяйству во внутреннем дворе.

Юнь Цинцин, дойдя до этого места, с досадой покачала головой:

— При всем уме главы, ей вовсе не следовало оставлять их при себе. — Чу Жун не казалась девой, которая станет распускать нюни от жалости. Неужели она разом позабыла все козни, что строила ее любезная сестрица в те поры, когда утроба главы была пуста?

— Ну... — Шао Цзюсяо на миг задумался. — Возможно, у главы Чу были свои соображения на этот счет.

Быть может, Чу Жун рассудила, что держать эту парочку перед глазами куда удобнее, чтобы присматривать за ними. Впрочем, все это — лишь пустые догадки, а какова была правда, знала одна лишь Чу Жун.

Юнь Цинцин же опустила голову, лицо ее исказилось глубокой обидой и злобой. Она с силой сжала кулаки и, скрежеща зубами, выплюнула:

— Я девица немудреная, и какие там у главы были соображения — мне неизвестно. Знаю лишь одно: если не убить змею до конца — сам от неё и пострадаешь. Старшую сестру точно эти две твари отправили на тот свет!

— С чего ты взяла?

— Старшая сестра мертва — значит, Чу И вновь может грезить о месте главы, разве не так?! А может, они мечтают, что и сама глава от великого горя совершит оплошность, и тогда даже Чу Вань перепадет кусок от этого пирога! Кому выгода — тот и убийца. Эта истина проста и верна, как день.

Шао Цзюсяо хмуро смотрел на Юнь Цинцин. Деве этой уже перевалило за двадцать лет, и в сравнении с совсем еще юной Чу Цзы в ней должно было чувствоваться больше стати и прелести. Но сейчас, когда лицо ее перекосило от ненависти, этот искусный макияж казался лишь напрасной тратой белил.

Вскинув голову, она прямо встретила взгляды стоявших перед ней мужчин, и в глазах ее горела такая неподдельная ярость и печаль, что нельзя было остаться равнодушным.

— Ты думаешь, что убийцы — Чу Вань да Чу И, и хочешь, чтобы мы отомстили за твою старшую сестру?

Юнь Цинцин крепче вцепилась в шелковый шарф на плечах — видимо, от ночной прохлады ее пробрала дрожь. Голос ее гулким эхом проплыл по покоям:

— Да.

Ночной Демон тихонько вздохнул:

— Благодарим, госпожа, за этот рассказ. Мы приложим все силы.

Когда они покидали Дворик Хуанциюань, дева, раскрасившая себя под Бессмертную деву Светлой Луны, все так же стояла, согнувшись в глубоком поклоне. Точно глиняный истукан, она не шелохнувшись провожала их взглядом. Лишь когда фигура ее и само подворье скрылись в ночной тьме, Шао Цзюся заметил, что Фэй Цзинь уже долго безмолвствует.

Он не удержался и слегка сжал ладонь юноши, которую все еще держал в своей руке, негромко спросив:

— Что с тобой, молодой воин Фэй?

Неужели его напугали грязные тайны этого великого ордена? Надо полагать, рос он в безмятежной глуши и никогда не видел мест, полных такой скверны.

Фэй Цзинь потерянно коснулся своего верного меча, то и дело легонько постукивая пальцем по ножнам, и с недоумением сказал:

— Сяо Хун, а ведь я одного не пойму. Ведь Чу Вань со своей дочкой так рвались в главы, и у них было столь могучее зелье, отчего они сперва самой главе его не подсыпали?

— Чу Цзы ведь была лишь наследницей. Убив ее, им придется ждать еще неизвестно сколько десятков лет, пока Чу Жун не отойдет от дел, а за это время сколько еще воды утечет. К тому же из-за гибели дочери Чу Жун расшибется в лепешку, но виновных найдет, и тогда уж никому не сносить головы.

— Куда удобнее было бы сразу сжить со свету главу, и, пока в Саньфэньу царит сумятица, прибрать всю власть к рукам. Это ведь куда надежнее.

Шао Цзюся: «...»

Надо же, уже без лишних чинов зовет его Сяо Хуном? Впрочем, не в том суть. Суть в том, что сам он сильно ошибся: какое там «напугали», какое там «простодушие»! Фэй Цзинь, ведь если приглядеться, внутри оказался чернее ночи, да вдобавок — чернее от природы, от таких подвохов и ждать не знаешь откуда.

С другой стороны, такой хитрец от природы, да ещё и красивый в придачу, — разве не тем он и притягательнее?

Ему от этого сделалось лишь веселее, да и только. Дивные дела.

Пользуясь случаем, почтенный Шао принялся поглаживать руку Фэй Цзиня, то так, то эдак

перебирая его пальцы, и с самым таинственным и многозначительным видом произнёс:

— Воин Фэй, девица Юнь поведала нам историю. Но то, всего лишь сказка. Словам одной стороны веры нет. Послушать других и дело предстанет совсем в ином свете.

— К тому же, не кажется ли тебе, что в речах Юнь Цинцин промелькнуло слишком уж много сокровенных мелочей? Она ведь всего лишь ученица ранга «одного цветка», боевым искусством не вышла, да и даром двоиться не владеет — как могла она подслушать, как Чу Вань наедине обнимала ноги Чу Жун, обливаясь слезами и клянясь в верности? В такие мгновения Чу Жун наверняка выставляла всех вон. Какое там младшие ученики — даже доверенных служанок и тех бы рядом не осталось.

Фэй Цзинь покивал с полупонимающим видом, лишний раз убедившись, что Сяо Хун и впрямь малый не промах и ума ему не занимать.

— И все же, неужели воительница Юнь столь слаба в бою? Отчего же это мастерство «не-мужчины» звучит так грозно?

«Грозно — не то слово», — подумал Шао Цзюсяо, — «да только Фэй Цзиню лучше бы никогда не узнавать, в чём эта угроза заключается».

Между тем ночь уже перевалила за середину, тьма сгустилась еще сильнее. Столько дел стряслось за эти часы, что Фэй Цзинь, привыкший ложиться с первыми петухами, принялся то и дело сладко зевать и, привалившись к плечу Шао Цзюсяо, едва не засыпал на ходу.

С лёгкой улыбкой на лице Шао Цзюсяо проводил Фэй Цзиня в его гостевые покои. Дождавшись, пока юноша заберется под одеяло и аккуратно растянется на постели, он бесшумно притворил дверь и удалился.

В следующий раз стоит всё же входить через дверь — с него хватит и одного раза, когда за шиворот полился таз воды.

По правде сказать, Шао Цзюсяо и сам немного устал. А всему виной — тот приторный запах в покоях Чу Цзы: поначалу в нос бьет, аж в голове мутится от дешевизны, зато держится до того долго, что под конец начинает клонить в сон со страшной силой.

Как бы то ни было, за эту ночь они вывели немало скрытых историй. Сколько бы правды ни было в словах Юнь Цинцин, по крайней мере, теперь ясно, с чего начинать. Завтра же с утра нужно заняться Чу Вань да Чу И — разузнать, где они были, когда Бессмертную деву убивали.

Замыслы — вещь хорошая.

Да только стоило ему толкнуть дверь собственных гостевых покоев, как он вмиг понял, что

всем его замыслам пришел конец.

Не так давно он сам без спросу явился в комнату к Фэй Цзиню, и надо же, в Саньфэньу нашелся умелец, что решил взять с него пример и завалился к нему в столь глухую пору. Ладно бы просто пришел, так ведь этот незваный гость без лишних церемоний разлегся прямо на его ложе.

Красавица на постели, тело белое полуобнаженное, сквозь тонкую кисею платья плоть нежная едва просвечивает. пышные иссиня-чёрные волосы раскинулись по подушкам, изящными волнами спускаясь к самой талии. Зрелище это должно было предстать на редкость упоительным да сладострастным, однако у Шао Цзюся, знавшего толк в любовных утехах, отчего-то лишь голова разболелась.

— Госпожа Чу И, с чего бы это вдруг?

И впрямь: дева, что возлежала на ложе Шао Цзюся, стреляя глазками да источая негу, была не кто иная, как Чу И — одна из главных действующих лиц недавней истории.

Чу И в истории Юнь Цинцин пусть и мелькала не так часто, как ее матушка Чу Вань, но являлась лицом воистину ключевым. Ведь именно из-за нее в стенах Саньфэньу и разгорелась эта смута вокруг престола главы. Родись она мальчиком, Чу Вань, надо полагать, безмятежно куковала бы в доме супруга, лелея и балуя ребёнка, и не стала бы столь долго находиться в Саньфэньу, наотрез отказываясь возвращаться домой.

Только-только наслушаешься историй про человека, а он тут как тут — разлегся на твоей собственной постели. Будто тебя застали за разговором о нём же у него за спиной. Хотя Шао Цзюся считал, что у него нет такой неприличной привычки, как сплетничать за спиной, ему все равно было немного неловко.

Видя, что Шао Цзюся застыл у порога и не двигается с места, Чу И сладостно улыбнулась. Она неторопливо присела на ложе, лениво перебирая пальцами черные пряди на плече, и приторным голосом пропела:

— Отчего же господин Ночной Демон посреди ночи в гостевых покоях не находится? Какую такую красавицу вы навещали?

Не дожидаясь, пока Шао Цзюся соберется ответить, она сама же и подхватила:

— Надо полагать, мою драгоценную кузину, что прекрасна лицом, да только в гробу лежит. — Она лукаво подмигнула Шао Цзюся, но вдруг разом переменила лад и глухо вздохнула: — Я ведь знаю: стоило кузине отойти в мир иной, как все в Саньфэньу, начиная с главы ордена и заканчивая последним чернорабочим, решили, что это было делом моих рук или рук моей матери.

Шао Цзюсяо и бровью не повел:

— Госпожа попусту тревожится. Мы с молодым воином Фэем обязательно отыщем убийцу и не допустим ложных обвинений в адрес невиновного.

Разумеется, если кто-то и правда виновен, то никакой несправедливости в этом не будет.

Чу И скривила губы, явив горькую, вымученную усмешку:

— За эти годы мы наслушались пустых сплетен с избытком... Что же господин Шао не подходит ближе? Неужели брезгает моей убогой красотой, которая не сравнится с Бессмертной девой Светлой Луны, что сошла к нам точно небесная дева? Ну еще бы, в те поры, как она на свет явилась, глава ордена повсюду трубила, будто ясный месяц упал к ней на грудь, и эта дева непременно будет отмечена великой судьбой. Жаль только, моя матушка, когда меня рожала, сна такого предвидеть не смогла, ха!

Слова эти прошлись причудливыми волнами, а уж в последнем смешке и вовсе сквозила огромная невысказанная горечь. И Шао Цзюсяо, к своему удивлению, действительно расслышал в этом голосе глухую тоску да горечь.

Похоже, ночь обещает быть на редкость долгой.

Шао Цзюсяо без лишнего шума притворил дверь, но остался стоять на месте, сухо обронив:

— Подходить незачем. Мне лишь любопытно узнать, зачем госпожа Чу И пожаловала. — Если она замыслила разыграть избитую сцену соблазнения, чтобы потом поднять шум, то затея эта была на удивление наивной.

Вопрос о том, сможет ли красота Чу И очаровать Шао Цзюсяо, оставим в стороне. Даже если в следующий миг толпа учеников Саньфэньу «случайно» ворвется в покои и застанет их вместе, для Ночного Демона, чья дурная слава и без того гремела по всей Поднебесной, это пятно не стало бы каким-то особым позором.

Искатель девичьих сердец, ему по ремеслу положено дев любить. Ну перепутал ненароком цветок с придорожной травой, так люди разве что во вкусе его засомневаются, и только.

А уж помыслить, будто Ночной Демон из-за такой мелочи пойдет с Чу И заодно... Смех, да и только! По правде сказать, в Поднебесной больше всего судачили не о том, как Ночной Демон влюбчив, а о том, до чего же сердце его холодно и бесстрастно.

Этот человек действительно питал сильную слабость к женской красоте, и вправду одаривал всякую деву лаской и вниманием, и ради одного зова красавицы готов был ринуться хоть в огонь, хоть под мечи, да только ни одна из них так и не смогла стать для него единственной.

Ни знатность рода, ни место в Поднебесной, ни власть, ни золото, ни красота не могли удержать его при себе. Шао Цзюсяо, пусть и любил днями напролет вздыхать, мол, «нельзя обделять лаской красавиц», но втайне держался неприступно и ни с одной девой весеннюю ночь так и не разделил.

Все его так называемые «свидания при луне» ограничивались лишь тем, что они при той самой луне и сидели: то на лодке под струнные напевы, то за игрой в облавные шашки, то под звонкие девичьи песни, а то и вовсе — оставлял он деве на память искусный свиток с ее лицом. Даже такие романтические встречи длились всего одну ночь, и с наступлением рассвета он больше не возвращался. Ни одна красавица не видела его дважды.

Бывало, люди допытывались у него: отчего же, когда девы сами падают к нему в объятия, он наотрез отказывается переступить порог брачного ложа? Не слишком ли это глупо? В такие моменты господин Шао лишь с тоской смотрел вдаль и со вздохом произносил: «Оттого, что все они еще далеки от совершенства».

Всякий муж и всякая дева в его глазах имели изъяны и были далеко не столь безупречны, чтобы заставить его преклонить колени.

Досужие сплетники как-то сказали, что если Шао Цзюсяо стремится к идеалу, то ему следует жениться на себе самом. С этим суждением господин Шао был в корне не согласен. Он и в самом себе видел серьезный изъян, а крылся тот изъян в том... ну, что сам он, видимо, был чересчур влюбчив.

А потому теперь, когда Чу И столь удивительным образом объявилась на его ложе, Шао Цзюсяо, кроме легкой досады, не почувствовал ни сердечного трепета, ни заботы.

К тому же при его боевом мастерстве он без труда расслышал бы, притаился ли кто в засаде во дворе. Раз уж об этом зашла речь... Отчего это по соседству Фэй Цзинь тоже не подаёт ни звука? Боевое искусство этого дивного юноши и впрямь казалось бездонным, как пучина.

И вот, пока некая дева вовсю расточала чары на чужой постели, стреляя глазками, она, к своему изумлению, заметила, что знаменитый распутник не только не растаял от неги, но и вовсе принялся блуждать рассеянным взором, уйдя мыслями неизвестно куда.

Это немного досадно.

Очень досадно.

Впрочем, Чу И за эти годы повидала всякого, и сердце ее сделалось тверже многократно закаленной стали. А потому она без лишних слов оправила одежды, спокойно села на постели, и лицо её приняло необычайно серьёзный вид.

— Почтенный Шао, — теперь уже не «господин Шао». — Я пришла сюда с одной-единственной просьбой: чтобы вы со спутником поскорее нашли того, чьи грязные руки погубили мою кузину, и вернули нам с матушкой честное имя.

Вот это да. Если бы Чу И задумала подсыпать ему зелья и пригрозить, чтобы в дело нос не совал, он бы еще так не тревожился. Но когда эта парочка вдруг начинает проявлять такое рвение, жди подвоха: неспроста всё это. Надо полагать, Чу Жун тоже всю их подозревает.

Шао Цзюсяо ответа не дал. Скрестив руки на груди, он небрежно привалился к дверному косяку, смерив Чу И взглядом с головы до пят:

— Если дело только в этом, госпоже незачем было устраивать подобное представление, верно?

Кто же знал, что Чу И при этих словах вдруг густо покраснела, явив чистую девичью стыдливость. Шао Цзюсяо аж передернуло: «Сестрица, ты недавно скинула халат до пояса и с самым бесстыдным видом возлежала на моей кровати, источая негу — с чего вдруг ты теперь изображаешь невинность?!»

Между тем Чу И еле слышно, будто комар пропищал, прошептала, стыдливо опустив голову:

— Сегодня младшая дева встретила господина Шао и поняла, что в мире есть мужчина такой необыкновенной красоты. Я... я оттого и... Ах, ну не заставляйте же девицу саму выкладывать все сокровенные мысли сердца!

Шао Цзюсяо вздрогнул, всем телом.

Ему не раз доводилось видеть, как девицы ластятся да капризничают, но чтобы столь... тошнотворно — такого и врагу не пожелаешь.

Как бы то ни было, отговорка эта попала точно в цель, и поверить в неё было легко. Ведь немало было тех, кто при виде лица Шао Цзюсяо терял голову и сам предлагал себя ему в жёны или мужья. Однажды один юноша и вовсе завернулся в одеяло, будто в кокон, и велел слугам отнести себя прямо к нему в покои, отчего знаменитый Ночной Демон в ужасе сбежал и полночи бродил по улицам, не решаясь вернуться домой.

История эта долго ещё служила поводом для насмешек, слухи о ней и поныне бродят по Поднебесной, а сочинители даже написали книжку, которую часто распевают сказители в тавернах.

То был, пожалуй, самый неприятный момент в жизни распутного мечника.

Видимо, ночная выходка Чу И вновь всколыхнула в памяти Шао Цзюсяо те горькие дни: лицо его вмиг посерело, он с усилием выдавил из себя сухое «благодарю за внимание» и тотчас

принял вид, недвусмысленно указывающий гостю на дверь.

Смех да и только: если не выпроводить девицу, где ему спать? Звание Ночного Демона вовсе не означало, что мужу сон без надобности.

Поначалу у него лишь тело ломило от усталости, теперь же и на душе сделалось мучительно.

Ему совсем не хотелось, чтобы та книжица обогатилась новыми историями, вроде как «весь век блудил, да сам впросак угодил» или «как Ночной Демон Шао Цзюсяо разделил весеннюю негу с девой». Только бы избежать такого позора.

Чу И, заметив его вид, точно перед ней стоял свирепый враг, не выдержала и звонко рассмеялась. Смех этот вышел на редкость залихватским, без недавнего жеманства, и в нем промелькнула истинная, живая прелесть.

— Ладно, хватит уже, не буду больше шутить, — она встала с кровати и, проходя мимо Ночного Демона, вдруг едва слышно обронила: — Вы ведь наведывались этой ночью в Дворик Хуанциюань? Учужали тот дух?

Дух? Ну еще бы. Если ту вонь можно было звать благовониями, так она действительно врезалась в память до гробовой доски. Впрочем, получается, вот в чём была настоящая цель ночного визита Чу И, а всё её недавнее бесстыдство служило лишь прикрытием.

— Берегись Ван Чаоши, — напоследок произнесла она, будто в полусне, и наконец бесшумно исчезла в ночной тьме.

Незванная гостя ушла, да только на постели осталась лежать длинная волосинка — неизвестно, нарочно Чу И ее обронила или невзначай. Как бы то ни было, распутный мечник Шао Цзюсяо не пожелал отвечать на этот жест: он молча поднёс волос к свече и смотрел, как слабое пламя мгновенно поглотило чёрную нить без следа.

От горящего волоса потянуло гарью, но перед носом Шао Цзюсяо по-прежнему стоял тот приторный дух из покоев Чу Цзы.

Неужели этот запах и вправду связан с Ван Чаоши? Похоже, в стенах Саньфэнью и впрямь скрывается немало тёмных тайн, и кто знает, сколько ещё их сокрыто там, куда не падает солнечный свет.

Шао Цзюсяо оглядел слегка примятую постель и слегка нахмурился. Волос-то он приметил, да только кто поручится, что дева не оставила после себя иных, невидимых глазу вещей? К тому же сердце подсказывает: если остаться здесь, до утра не будет покоя.

Немного подумав, он вновь перемахнул через подоконник в покои молодого воина Фэй. Благо

дорожка была уже протоптана, и на этот раз обошлось без близкого знакомства с тазом воды. Думается, то был первый случай в его жизни, когда он без всякого зова сам пробрался в чужую спальню.

Не находилось ли в этом некоего смутного сходства с недавней выходкой Чу И?

Что ж, ведь воин Фэй — редкий самородок, какого и в сто лет раз не встретишь.

Редкий самородок спал без задних ног, но был начеку. Стоило раздаться шороху, как он вмиг распахнул глаза, однако, разглядев в полутьме подползающий к постели ярко-алый халат, мирно отошел ко сну, лишь пробормотав спросонья:

— А, это ты, Сяо Хун... Получай мой меч.

Шао Цзюсяо беззвучно прыснул, гадая, где же тот меч находится, и тут же заметил, что Фэй Цзинь мертвой хваткой прижал к груди свой топор, причем самое лезвие глядело на него самого.

...Что и говорить, везучему всё нипочём.

Но из-за этой штуковины о том, чтобы приобнять Фэй Цзиня во сне, не могло быть и речи. Почтенному Шао пришлось устроиться с краю, оставаясь настороже на случай, если юноша вздумает лунатить и примет его за бревно для колки дров.

Может, тоже обнять свой меч ради верности? Шао Цзюсяо бросил взор на свой изящный клинок, что покоился у изголовья, и с досадой признал, что против топора тот выглядит как-то совсем не грозно.

Впрочем, страхи оказались напрасными: Фэй Цзинь лунатизмом не страдал.

Мало того что не страдал, он еще и не храпел, во сне не разговаривал, руками-ногами не брыкался — спал юноша до того тихо и спокойно, что Шао Цзюсяо очень скоро позабыл о всякой настороженности и мгновенно провалился в сон.

Остаток ночи прошел в полнейшей тишине, и Шао Цзюсяо даже довелось увидеть на редкость упоительный сон.

Мир во сне виделся смутным да туманным. Господину Шао, Ночному Демону, смутно казалось, будто он кружится посреди бескрайнего дождя из опадающих лепестков, а в лесной чаще напротив виднеется гибкий стан несравненной красавицы, самозабвенно предающейся танцу

Назвать её хотелось именно «несравненной», а не просто «красивой», потому что в слове

«красивая» видится один лишь облик, тогда как «несравненность» — дело иное: в ней всё, до последней чёрточки, изнутри и снаружи, настолько хорошо, что, коротко говоря, являет собой само совершенство.

И это при том, что Шао Цзюсяо толком не мог разглядеть её лица.

А потому он картинно встряхнул рукавами, достал складной веер, которым привык напускать на себя ученость, и вальяжным шагом двинулся в чашу. Точно самец павлина, распустивший хвост, он то и дело прикладывал веер к лицу, принимая самые изысканные позы в надежде привлечь взор красавицы.

Труды не пропали даром: дева в лазурном халате и впрямь вскинула голову и издалека крикнула ему:

— А, это ты! А ну помоги живее!

«Хм, — подумалось Шао Цзюсяо, — а голосок-то у девы точь-в-точь как у юноши». Ну да ладно, пусть хоть юноша — почтенный Шао свято верил, что для истинной красоты пол не важен, к тому же незнакомка, видимо, его узнала и сама позвала к себе, как он того и желал.

Распутный мечник самым изящным па пустился вперед, намереваясь пригласить красавицу на совместный танец, чтобы вкусить безграничную прелесть ветра и луны.

Сквозь дивный цветочный ливень облик красавицы становился все ближе, ближе...

Постойте-ка, что происходит? Неужели здесь что-то не так? Какое там танцует! Да она же деревья рубит!

И верно — рубит, всю орудия ржавым топором. Знай себе выдыхает «ух-ух» да машет им всю. Увидев Шао Цзюсяо, этот «самородок» расплылся в широченной улыбке и радушно шагнул навстречу:

— О, Сяо Хун, ты тоже пришел дрова колоть? Вот так встреча!

— Только не это, воин Фэй! — Шао Цзюсяо в ужасе пробудился. Перед глазами у него все еще стояло, как Фэй Цзинь заставляет его рубить вековые дубы изящным клинком, да еще заставляет выкрикивать «ух-ух». От этой жути взор его остекленел, а с лица сошли все краски. Лишь немного погодя он с тревогой заметил, что прямо перед его носом и впрямь маячит чье-то большое лицо.

Лицо Фэй Цзиня.

Люди, оттачивающие боевое искусство, обычно не заплывают жиром, потому что любая тренировка — что с внешним, что с внутренним дыханием — требует немалого пота. А показалось Шао Цзюся, будто у Фэй Цзиня лицо огромное лишь оттого, что юноша в этот миг склонился к нему слишком близко.

До того близко, что стоило немного приподнять голову и губы их встретились бы.

Но и это было еще не все. Очень скоро почтенный Шао с ужасом понял, что ладно лицо, но сама поза Фэй Цзиня имеет изрядный изъян. Этот молодой воин всем телом навалился на него сверху: ладонями уперся по обе стороны от его щек, ногами крепко зажал его бедра, и стоило ему хоть немного опустить поясицу, как они прижались бы друг к другу вплотную.

Ночной Демон, что обошёл тысячи цветников, ни разу не запятнав себя ни с одной из них, разом растерял всю свою самоуверенность. Точно опасаясь спугнуть диковинного зверя, он едва слышно прошептал:

— Воин Фэй?.. Младший Фэй?.. Фэй-Фэй?.. Ты это чего замыслил? — Неужели не протрезвел ото сна и действительно лунатит?

Да только отчего этот парень во сне не с топором на людей кидается, а вытворяет... вот такое?

Фэй Цзинь, в отличие от других, смотрел на лицо человека с самым серьёзным видом. Проснувшись рано утром, чтобы провести утреннюю тренировку с мечом, он обнаружил, что на его ложе покоится какая-то бесформенная туша. Наклонившись, чтобы лучше рассмотреть его, он неожиданно осознал нечто важное.

— И впрямь ты, Сяо Хун! А я-то думал, будто мне сон снится.

Шао Цзюся подумал: «Мне, пожалуй, тоже снился сон». Впрочем, пробираться по ночам в чужую постель, дело далеко не приличное. Какую бы нелепицу сплести, чтобы отговориться, или выложить все как есть? Однако Фэй Цзинь и словом не обмолвился о том, «с какого перепугу ты разлегся на моей кровати», а лишь с удивлением спросил:

— Сяо Хун, а ты знаешь, что у тебя левая бровь самую малость короче правой?

— Н-не знаю.

«Значит, ты приблизился ко мне столь близко лишь ради того, чтобы мои брови разглядывать? И вообще, всякий нормальный человек на твоём месте должен был восхититься моей ослепительной мужской красотой, с чего вдруг у тебя охота явилась волоски пересчитывать?» Перед мысленным взором Шао Цзюся вновь промелькнул образ Фэй Цзиня, изящно орудующего топором, и ему до смерти захотелось дико, неестественно расхохотаться.

И надо же случиться, что как раз в это мгновение дверь без всякого стука распахнулась настежь и в проеме показалась голова Шуцин:

— Воин Фэй, вы не знаете, куда подевался господин Шао из соседних пок... Ой! Простите великодушно, продолжайте, не стану мешать.

Точно так же, как и явилась, Шуцин вмиг отдернула руку, будто обжегшись о горящие угли, и с грохотом прихлопнула дверь. Даже удаляясь, она все еще без умолку бубнила под нос: «Глаза б мои не глядели на этот срам».

Фэй Цзинь с невинным видом почесал затылок:

— И что это она велела нам продолжать?

«Постой! Дева Шуцин, вернись! Все совсем не так, как ты подумала!» — Шао Цзюсяо готов был взвыть к небесам, да только винить юношу, который и понятия не имел, что зовется «любовой негой», у него рука не поднималась. А потому он лишь с самым отрешенным видом выдавил:

— Она велела нам продолжать вставать с постели.

— Вставать? А, и то верно, Сяо Хун. Пора приниматься за утренние труды. Учитель говорил: ложись засветло, вставай с петухами и лености не предавайся. — Ему ведь еще нужно было всю оттачивать мастерство «один шаг — одна смерть», чтобы сыскать чудодейственное снадобье и поскорее вернуться на подмогу учителю.

Воин Сяо Хун прикрыл глаза ладонью и уныло покивал. Он уже представлял, как в очередном номере «Ведомостей о делах поднебесной» безымянные авторы с особым удовольствием расскажут о том, как некий прославленный покоритель женских сердец продемонстрировал миру свои весьма необычные предпочтения, совершая свои поступки прямо в стенах Саньфэньу, где даже кровь после убийства еще не успела высохнуть.

К слову сказать, те «Ведомости» были далеко не приличным чтением, там сплошь печатались срамные слухи да любовные бредни о мужах и девах Поднебесной. Особенно популярной среди местных жителей была рукопись под названием «Летопись любовных побед Ночного Демона». В ней с подробностями описывались свидания Шао Цзюсяо с девушками.

И неизвестно, кто именно писал этим бесстыдным пером: ведь каждый знал, что Шао Цзюсяо хоть и любил дев, да чести их не лишал и ни к кому под полог не пробирался, однако писака тот каждый день писал такие истории, от которых у читателей во рту пересыхало. И ведь расходились те листы на ура!

Стоило «Ведомостям» выйти в свет с новой главой о Ночном Демоне, как их вмиг расхватывали подчистую прямо из-под печатного прессы.

Даже сам Шао Цзюся, тот, кто был причиной этих развлечений, иногда с горечью замечал, насколько люди в Поднебесной склонны к порокам. Порок, да и только!

После того как Фэй Цзинь увел Шао Цзюся в кухню, где они вместе разрубили всю поленницу и затем поели утренней похлебки, перед ними предстала Шуцин, которую глава ордена приказала продолжать помогать гостям. Лицо девушки по-прежнему сохраняло странное выражение: она то и дело бросала на Фэй Цзиня тайные косые взгляды и непрерывно что-то бормотала себе под нос.

Шао Цзюся, вспомнив недавние слова Юнь Цинцин и Чу И, сначала хотел расспросить девушку, но, немного подумав, решил промолчать. Хотя Шуцин и казалась человеком, которого приставила сама Чу Жун, если дело касалось Ван Чаоши, от нее могло быть мало толку, а вот спугнуть змею в траве она вполне могла.

Действовать напролом не следовало.

Немного поразмыслив, он придержал шаг и, сложив ладони в приветствии, произнес:

— Воин Фэй, госпожа Шуцин, у меня объявилось одно неотложное дело, посему отлучусь на короткое время.

Шуцин вмиг подобралась, взгляд ее окинул его с подозрением:

— Куда это вы пойдете? В стенах Саньфэньчу чужакам без дела отираться не положено.

— Госпоже незачем тревожиться, я лишь выйду за ворота, чтобы прикупить кое-какие припасы. — Он бросил быстрый взгляд на Фэй Цзиня и, рассудив, что раз уж срамной слух все одно пошел гулять, терять ему нечего, скорчил недвусмысленную ухмылку: — Кое-что такое, чего в Саньфэньчу никогда не водилось.

Шуцин на миг опешила, а после лицо ее вмиг полыхнуло густым румянцем. Она с презрением закатила глаза и поспешила отступить от Фэй Цзиня подальше.

Стоило Шао Цзюся скрыться из виду, как Шуцин неприязненным тоном сказала:

— Ну и чего вы вчера разведали? Куда сегодня путь держите? Неужели опять в покои старшей сестры пойдете?

Фэй Цзинь кивнул:

— Кое-что прояснилось, да только убийцу, что убил воительницу Чу, мы пока не нашли.

Ого! И когда это они успели что-то прояснить? Вчерашний день она неотлучно следовала за этой парочкой по пятам, да только не заметила, чтобы те хоть какую выгоду извлекли.

Она уже вознамерилась было выпросить подробности, как Фэй Цзинь вдруг резко повернул голову и с недоумением обронил:

— Кажется, я слышу какой-то шум.

— Шум? Что за шум?

— Голоса. Множество девичьих голосов.

— ...В Саньфэньу куда ни плюнь — всюду девы, — Шуцин и вовсе лишилась дара речи. Что за диво услышать в женском ордене девичьи голоса? Вот то, что она увидела утром на постели этих двух бездельников, действительно удивительно. От такого непристойного зрелища у неё, чего доброго, может вскочить ячмень на глазу.

Фэй Цзинь, однако, лишь покачал головой:

— То голоса знакомых мне людей. — Сведя речь к этому, он, не обращая более на Шуцин внимания, размашистым шагом направился вглубь подворья. Шуцин раз-другой закатила глаза, но заметив, что вслед за Шао Цзюсяо и Фэй Цзинь растаял как дым, вмиг перепугалась и припустила вдогонку.

Между тем Фэй Цзинь, ориентируясь на доносившиеся звуки, быстро шел вперед, и очень скоро встречный ветер принес с собой прохладу да сырость озерной воды, ноги сами вывели его к небольшому павильону у самой кромки озера Шоусиху.

Еще издали до него долетел неумный щебет семи-восьми девиц, которые, судя по всему, распекали кого-то на чем свет стоит.

Павильон тот издавна служил местом для забав младших учениц Саньфэньу. Оттого что стоял он у самой воды, виды оттуда открывались дивные, да и воздух дышал свежестью. Там даже соорудили несколько качелей, которые пользовались у девиц великим почетом.

Однако сейчас несколько девиц, чьи прически украшали знаки трех да четырех цветков, вовсе не думали качаться ради забавы. Сгрудившись в кучу, они наперебой осыпали кого-то насмешками, и звонкие их голоса разлетались по озерной глади, да только из этих милых, медовых уст вылетали слова, подобные отравленным клинкам.

— Вот ведь, ты, гляньте-ка, кто к нам пожаловал! Да это ж наша младшая сестрица!

— Младшая сестрица, и куда это мы путь держим? Увидев старших сестер, почему не кланяешься? Куда это ты подевала все правила, которыми тебя столько лет учили?

— Хи-хи, и то сказать — столько лет ее тем правилам обучали, а проку чуть: ни приличий не знает, ни в бою не сильна. С чего вдруг уродилась столь бестолковой?

— Эх, сестрица, тут ты не права. Прежде-то она обучалась правилам, которые слугам да дворовым девкам положены. А как давно ее приняли в круг внутренних учеников? То-то и оно, немудрено, что в голове у нее все перепуталось.

Дева, пустившая эту шпильку, видимо, сочла себя девицей редкостного остроумия, отчего вся компания дружно залилась смехом.

Сквозь этот неумный щебет пробился тихий, глуховатый голосок, в котором сквозила обида да холод:

— Приветствую старших сестер.

— Пфе! Пока не прикрикнешь — поклона не дождешься. Уж не дурочка ли ты случайно? Пока не пнешь — не полетит. Немудрено, что за столько лет ты и двух цветков на прическу не заслужила. И то сказать — чистой случайностью в орден затесалась.

— Что значит затесалась? Она ведь у нас в подружках у самой старшей сестры ходила! Смотрите-ка, младшая сестрица, а что это у тебя в руках? Никак кувшин для полива? Неужели собираешься наняться в чернорабочие в Дворик Хуанциюань? Ха-ха-ха-ха!

— Она, конечно, надеется, но хозяйка Дворика Хуанциюань уже умерла, так зачем ей теперь служанка? Тьфу! Целыми днями она мечтала стать ближе к старшей сестре, но, если бы она посмотрела на себя в зеркало, то поняла бы, почему старшей сестре не стоило иметь с ней дело.

— Старшая сестра ее больше всех терпеть не могла, ха-ха!

Девушка, подвергавшаяся этим насмешкам, до сих пор молчала, но в этот момент не смогла сдержать эмоций, и ее голос задрожал от гнева.

— Младшая сестра и впрямь в приличиях не сильна, да только с каких это пор в правила Саньфэньу входит обычай чесать языком за спиной у покойной старшей сестры? Вот уж обо всем доложу главе ордена, пускай рассудит!

— Ах ты, дрянь такая! Ты что, ябедничать вздумала! Да что нам твоя глава ордена? Сейчас, не та пора, когда старшая сестра жива была и спину тебе прикрывала!

— Да как вы смеете!

Фэй Цзинь, слушая эту перепалку издали, окончательно убедился, что в окружение врагов угодила не кто иная, как Юнь Цинцин — он еще по шагам признал ее облик. Сказать по правде, он и подумать не мог, что девицу эту столь сильно не уважают в ордене. К тому же ученицы болтали, будто Чу Цзы на дух не переносила Юнь Цинцин? Это противоречило истории, которую девушка им недавно рассказала.

Пока он размышлял об этом, с той стороны донесся топот поспешных шагов — видимо, Юнь Цинцин не стерпела обиды и в ярости бросилась прочь. Подумав, Фэй Цзинь бесшумно последовал за ней.

<http://bllate.org/book/17303/1735440>